

была. И здесь стыдятся даже произносить слово «погиб», ибо, исчезая видимым образом, все уходит к Господу в круг неведущего и нетленного. Там, на краю, тоже действуют, конечно, мертвые и грубые стихии, но действуют словно бы уже со смущением, исполняя надоевшую роль вульгарной «природы», и в этой примитивной театральности раскрывается теплая и слезная надежда на новый мир без мрачного рва и ада, без хватящей все мохнатой лапы, без этой тяжести и этой плотности. Утром там сквозь слегка прикрытые ресницы проступают словно неожиданный пушистый снег, а то словно бесцветный дождь миры первородные и нерукотворные, а также незримые веревки, что держат преходящую материальную сень, утаенные формы и вечные образы. У нас — материя и форма, плоть и дух, стена и истина, смерть и жизнь. А на краю-то как? Так да уже и не совсем так. Так, что действительно всегда произнесешь легко: «В благовонии мира Твоего течем»... Скажешь и потечешь, и засияешь, как горящий елей из лампад, и заблесташь светом вечности, и встанешь, как Авраамов шатер...

Так бредил я сияющим величием маргиналов, их краем, где возможно все, их свободой, их бездной, их радугой... Думал я свою паучью думу, перебирал тряпки в чулане. Ведь мир-то я слишком хорошо знаю: сам в центре мира сижу и отлично себе представляю, что он такое; в самой его сути ворочаюсь, как в густом киселе. И что? Возможно ли в мире такое, как на краю? Никак невозможно! Мир потому и мир, что не таков совсем. А раз мы в мире, то, значит, для нас края нет нигде. А слово же «нигде» и значит «езде»: и я всегда на краю и не нужно идти никуда, поймешь, что ты на краю, и будешь воистину на краю. А маргиналов жалко, потому что они к границе идут, значит не дойдут до нее никогда, к тому же, как назло, и земля круглая оказалась: будешь идти вперед и приходишь в одну и ту же точку, а настоящего края никогда не обнаружится. Если нащупаешь край, то, значит, ты уже за пределами мира. А что его нащупывать, если он с тобой всегда и везде, если все есть край и «некрая» никакого просто нет? Значит все мы, и даже я, человек-паук, все мы маргинальные и магистральные. Значит, решив выйти в белом жабо, когда все лежат на загаженном полу в общественном туалете, среди лежащих на полу я увидел главным образом себя, когда все, кто только мог, вышли радостно в дурацких этих белых жабо.

ВАЛЕРИЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
МАРОШИ

РЕФЛЕКСИЯ МАРИНАЛА (РОЗАН)

Русский филолог, если он не ушел в политологи, риторы, PR и т. п., представляет собой кристальный типикон маринала: социальный престиж крайне низок, уровень доходов едва дотягивает до нижнесреднего, истеблишменту не нужен, с обывателем ему скучно, культура и ценности современной России ему глубоко противны. Зато у него есть будущее: вечно прекрасный и вечно новый мир — прошлое русской литературы.

В самом деле, critique и criticism у нас традиционно становятся уделом участников актуальной культуры и литературной политики, а уважающие себя филологи реализуются в мемуарно-автобиографической прозе, пытаясь вписаться в плюсквамперфект эпически отдаленной России, Германии, Америки. С другой стороны, молодежь частенько хочет быть деррористичнее Дерриды и рвется к «зияющим высотам» на костях все того же тысячелетнего мавзолея. Разве что к древнерусской литературе (за исключением Даниила Заточника) эти авангардные примочки применить не удастся. Иногда подобная устремленность в будущее / прошлое из на-

стоящего с его актуальными ценностями приносила русской филологии методологический капитал: формалисты, тартуские семиотики. Чаще же торжествовали архаисты, а не новаторы; погоня за ускользающим прошлым приводила к удручающему провинциализму (нетерпимость к новому, консерватизм, узкая внутрифилологическая специализация). Заметим, что обновление филологии (тот же авангард) начиналось в провинции (Ленинград 20-х, Тарту, бахтинский Саранск, Кемерово 30-х — последнее, конечно, не всем понравится, Донецк, наконец).

Тот, кто пишет эту заметку, — тоже неисправимый маргинал, в том числе и в мифологической среде, а значит, на правах «постороннего» пробует отрефлексировать ситуацию на материале собственных незатейливых интуиций. Поэтому стратегию маргинального автор чувствует нутром и подтверждает устойчивой репутацией «чудика» и «чудака».

Оборотимся, братие, к родной нашей матери — русской литературе. Из множества исследований последних лет вполне очевидно, что подавляющее большинство русских писателей и поэтов «первого ряда» нашей словесности, от Тредиаковского до Саши Соколова, в той или иной степени являются маргиналами, а их поведенческая и авторская стратегии, равно как и стратегии их героев, предельно маргинальны. Конфигурации этой трехвековой маргинальности различны, поскольку в поле литературы появляются и исчезают различные силы и факторы: власть, разночинская интеллигенция, «литературная аристократия», массовая литература, конкретные издатели, меценаты, социальная стратификация, рецепции, эмиграция, принадлежность к художественной системе, вхожесть в салоны, «низкопоклонство перед Западом» и т. д. и т. п.

Все эти векторы поля требуют тщательного учета и анализа в определении и конкретизации той или иной индивидуальной стратегии маргинала в рамках его ухода и возвращения в центр литературного сообщества и, конечно, общества в целом. Первое, по-видимому, и является задачей, скорее, филологов, которые, смеем надеяться, смогут отрефлексировать и свою неизбывную маргинальность. Второе — социологов, поскольку именно они должны ясно представлять, чем болеет русское общество на разных этапах русской истории и каковы его актуальные ценности.

Тем не менее, контуры общей стратегии материала ясно просматриваются и отчасти уже описаны в символике сюжетов, связанных с лиминальными личностями. Первый элемент — странность, необычность, эксцентричность облика и поведения (иностранец в России, белый негр, потомок шотландских бардов). Их отличает необыкновенная уродливость, эпилепсия, неэтикетность и т. д. и т. п. Второй элемент может быть внутренним, фиктивным или реализоваться в некой внешней динамике. Это пространственное удаление, побег, ссылка из центра своего пространства на периферию или в центр чужого (Ясная Поляна, Кавказ, Михайловское, кругосветное путешествие Гончарова, Воронеж Мандельштама, Америка Бродского и т. п.). Вынужденность насильственного удаления из центра не должна нас смущать: она всегда спровоцирована самим агентом стратегии. Такого рода уходы могут возобновляться, поскольку маргинал добивается еще более определенного признания своего центрального, лидирующего статуса. В конце концов, постоянные перемещения без фиксации в каком-либо месте, в том числе и жизнь в мегаполисе, имеют смысл относительно России, Петербурга, Москвы, Кремля — того, что является для маргинала средоточием Нормы, Дома, Власти, Бога, Жанра, Языка, Культуры. Соответственно, разрабатываются периферийные жанры, полижанровость, подъязыки, окраины, арго. Отторжению подвергается язык элиты, а главное — господствующий художественный язык. Исключительному герою с небывало экзистенциальными запросами и нарушителю социальных норм своей среды приписывается в настоящем типический (т. е. центральный, а не перифе-

рийный) статус «Героя своего времени». В другом варианте автор и его герой бегут в отдаленное прошлое или будущее (архаизм, неологизм), в субкультуру и субязык, в провинцию, алкоголизм, безумие. Третьим элементом должно быть восстановление нарушенных норм, символическое возвращение автора и героя в новом статусе в литературу и социум, утверждение новых художественных и даже социокультурных норм как общепризнанных. Для описания этого процесса годится модное словечко «легитимизация». Однако самые многозначные литературные герои (и авторы) как бы навечно застывают в фазе разрыва и удаления (Онегин, Печорин, Безухов, братья Карамазовы). В русской литературе резкость и радикальность конфликта периферийного с центральным (власть, элита, литературная мода, разночинская интеллигенция, советские писатели), изгнанничество оказывались одними из самых перспективных стратегий успеха, обновления позиций и диспозиций литературного поля. Те, кто не нашел в себе достаточно сил и таланта навязать свои правила центру и вернуться в него, хотя бы символически, во внепространственном смысле, стали аутсайдерами и, по «гамбургскому счету», вышли из игры. При видимом сохранении социального благополучия их уделом становятся обвинения в графомании или литературном истощении, читательское забвение, пренебрежение критиков, равнодушие издателей. Филолог-маргинал с удовольствием вычеркнет их из истории литературы или поместит в самые нижние ее полки — «ad majorem marginem». «Живет в Коломне в какой-то странной компании, у края рамени, на заболоченном берегу. Тут не столица и не провинция, здесь все тишина и отставка; ни то, ни се, ни житель света, ни призрак мертвый... Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов, где была или не была чья-то убогая, слабая жизнь».

МАРИНА
ГЕОРГИЕВНА
ЧИСТЯКОВА

КУЛЬТУРА XX ВЕКА: ИГРЫ (В) МАРГИНАЛОВ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия модернизма и постмодернизма с различными феноменами маргинальной культуры.

Культуру XX века характеризует пристальный интерес к феномену маргинальности. Но модернизм и постмодернизм выстраивают взаимоотношения с маргинальной культурой по-разному: в том и другом случае эти отношения коррелируются доминантными установками данных культурных парадигм.

Представителям модернизма истоки всех несчастий западно-европейской культуры виделись в ее логоцентризме. Ключевая идея художественного модернизма — борьба со всей предшествующей картезианской культурой — в конечном итоге трансформировалась в настоящую войну с разумом, что вполне закономерно повлекло за собой возрастание интереса к понятиям, противоположным по смыслу «логосу», «разуму», то есть всему тому, что лежит в основании рационалистической культуры Запада. Взоры модернистов обратились к феноменам, находящимся на периферии культуры, на самом ее краю — к маргиналиям, в первую очередь эстетическим.

Сам факт использования в творчестве элементов маргинальной культуры уже был скандален и провокативен, отдавал духом бунтарства и эпатажа — что, собственно, и требовалось. В системе модернизма маргинальность перемещается на почетное — центральное место. Следует отметить, что это обстоятельство вовсе не